

МАНФРЕДЪ.

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА БАЙРОНА.)

There are more things in heaven and earth, Horatio,
Than are dreamt of in your philosophy.

Shakspeare.

Въ небѣ и на землѣ гораздо болѣе вещей, Горацио,
чѣмъ снятся вашей философіи.

Л И Ц А:

МАНФРЕДЪ.
ГОРНЫЙ ОХОТНИКЪ.
АББАТЪ Св. Маврикія.
МАНУЭЛЬ.
ГЕРМАНЪ.
Фвѣ альпійскихъ горъ.
АЕНМАНЪ.
НЕМЕВИДА.
СУДЬБЫ.
ДУХИ, и проч.

Мѣсто драмы въ Швейцаріи между Альпами; частію въ замкѣ Ман-
фреда, частію въ горахъ.)

А К Т Ъ П Е Р В Ы Й.

С Ц Е Н А I.

Готическая галлерей.—Полночь.

МАНФРЕДЪ (одинъ). Какъ ни была бѣ полна моя лампада,
 Все жъ долженъ я ее пересидѣть:
 Мой сонъ,—когда лишь сплю я,—не есть сонъ,
 А только думъ упорныхъ продолженье,
 Не снѣщихъ и во снѣ; въ моей груди
 Есть часовой, который спать не долженъ;
 Сомкну ль глаза — они глядятъ мнѣ внутрь, —
 И я живу, и даже видѣ противный
 Другихъ людей я выношу еще!

Но скорбь должна быть школой мудреца:
 Въ ней — знаніе, и мужъ, богатый знаньемъ,
 Скорбѣть до слезъ былъ долженъ, чтобъ узнать,
 Что древо знанія — не древо жизни.
 Философовъ, ученыхъ, мудрецовъ,
 Чудесный міръ магическаго знанья
 Исчерпалъ я,—и есть въ моемъ умѣ
 Способная обнять все это сила,—
 Но пользы нѣтъ и нѣтъ! Между людьми
 Я былъ добра поборникъ, и замѣтилъ,
 Что есть добро и даже межъ людей...
 Но пользы нѣтъ и нѣтъ! Сразилъ я многихъ
 Моихъ враговъ, ни къмъ не бывъ сраженъ...
 Но пользы нѣтъ и нѣтъ! Борьба страстей,
 Добро и зло, — все, что въ другихъ я вижу,
 Все было мнѣ, какъ дождь землѣ песчаной...
 Съ того часа, лишеннаго названья,
 Я чувствую проклятье надъ собой —
 Не знать надеждъ, ни страха, ни желаній,
 Ни смутнаго волненья тайныхъ грѣзъ.

Но къ дѣлу. Вы, таинственныя силы!
 Властители вселенной безграничной,
 Къ кому и днемъ и ночью я взывалъ!
 Вы, обтекающіе землю! Вы,
 Живущіе въ стихіяхъ! Вы, которымъ
 Вершины горъ заоблачныхъ—притонъ,
 Пещеры, земли и моря доступны!
 Я васъ зову во имя тайной чары,
 Мнѣ давшей власть надъ вами. Выходите!
 (Тишина.)

Они нейдутъ. Но именемъ того, —
 Кто главный между вами, — заклинаю,
 И знаменемъ, что въ трепетъ васъ приводитъ,
 И именемъ безсмертнаго. — Явитесь!
 (Тишина.)

Пусть будетъ такъ. Но васъ я призову,
 Медлительные духи. Заклинаю
 Васъ чарою, неслыханной досель, —
 Отчизна ей проклятое свѣтило,
 Отжившій міръ, пылающій межъ звѣздъ,
 Пловучій адъ въ пространствѣ безграничномъ; —
 Проклятіемъ, что виснеть надо мной
 И мыслію, покой мой погубившей,
 Я васъ зову. — Явитесь! — Выходите!

*(Въ неосвященномъ концѣ галлерей является
 звѣзда и остается неподвижною; слышенъ по-
 ющій голосъ.)*

Первый духъ. Смертный! силою твоей,
 Изъ заоблачныхъ зыбей,
 Гдѣ румяный лучъ заката,
 Изъ лазури и изъ злата,
 Ихъ смѣшавши съ багрецомъ,
 Строитъ мнѣ воздушный домъ,—
 Я на зовъ свѣшилъ порочный
 На лучъ звѣзды полночной:
 Да исполнятся твои
 Всѣ желанья — говори!

Голосъ втораго духа. Гора Монбланъ есть царь зсм-
 ныхъ холмовъ;

Внчанный ими, онъ стоитъ
 На тронъ скаль, въ одеждъ облаковъ,
 Лдяной венецъ на немъ горить....
 Льсами опоясавъ гордый станъ,
 Лавину въ руки онъ забралъ;
 И только ждетъ суровый великанъ,
 Чтобъ я упасть ей приказалъ.
 И день и ночь громовый этотъ шаръ
 Впередъ ползеть, впередъ;
 Но чтобъ свершить свой роковой ударъ,
 Моей онъ воли ждетъ.
 Я мвстный духъ: горамъ повелзвать
 Могу по прихоти мечты,
 Ихъ тяжкія основы колебать, —
 Такъ отъ меня—что хочешь ты?

Г о л о с ъ т р е т ь я г о д у х а . Подъ покровомъ синьющихъ водъ,
 Гдъ волна никогда не колышетъ,
 Гдъ змвя водяная живетъ,
 Но ни буря, ни вѣтеръ не дышетъ,
 Гдъ сирена свои волоса
 Убираетъ морскою травою, —
 Заклинанье твое, какъ гроза,
 Пронеслося вверху, надъ водою;
 У меня надъ хрустальнымъ дворцомъ
 Вдругъ оно пронеслося такъ глухо,—
 Я духъ моря: скажи же, о чемъ
 Столь могучаго просишь ты духа?

Ч е т в е р т ы й д у х ъ . Гдъ спитъ землетрясенье
 На огненныхъ пластахъ,
 Озера смоляныя
 Дымятся въ берегахъ,
 Гдъ Анды свои корни
 Пустили сквозь земли,
 Межъ тмъ, какъ ихъ вершины
 Подъ небеса ушли,
 Оттолъ я примчался
 На зовъ могучій твой —
 Пусть воля чародвя
 Творится надо мной.

Пятый духъ. Я на вихрь верхомъ прискакалъ,
 Я духъ молній, и грома, и бури;
 Ураганъ я сейчасъ обогналъ,
 Онъ пожаромъ горитъ по лазури;
 Чтобъ къ тебъ поспѣшить, надъ водой
 И надъ сушей я мчался стрѣлою:
 Тамъ плывутъ корабли, но съ зарей
 Ихъ погибель всѣхъ ждетъ подъ водою.

Шестой духъ. Мой темный мѣръ—безъ звездъ и безъ разсвѣта;
 Зачѣмъ казнишь меня ты казнью свѣта?

Сѣдмой духъ. Еще хаосъ былъ надъ землей
 Твоей я правила звездой:
 То было чудное свѣтило,
 Какое съ неба лишь свѣтило;
 Свободно, чисто и свѣтло
 Среди небесъ оно текло.
 Но часъ пробилъ, пора настала,
 Оно безславьемъ мѣра стало,
 Кометой, наводящей страхъ,
 Звездой, проклятою въ звездахъ.
 Досель, вращаясь съ прежней силой,
 Свой путь неправильный, унылый,
 Влачитъ чудовище съ хвостомъ
 Во всемъ безславіи своемъ.
 Ты жъ, подъ проклятою звездою
 Рожденный червякомъ! Тобою
 Я призвана сюда, но я
 Все остаюсь судьба твоя,
 И здѣсь, гдѣ рабскою толпою
 Склонились духи предъ тобою,
 А я могу лишь презиратьъ,
 Червякъ! что хочешь ты узнать?

Всѣ семь духовъ. Земли, морей, вѣтровъ, ээира, горъ
 И тьмы ночной владыки—предъ тобою,
 И между нихъ сама твоя звезда.
 Чего отъ насъ ты хочешь? Говори.

МАНФРЕДЪ. Забвенія.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ. О комъ? о чемъ? зачѣмъ?

Манфредъ. О томъ, что я въ груди ношу; прочтите;
Вы можете; а высказать нельзя.

Духъ. Мы можемъ дать—чѣмъ лишь владѣемъ сами:
Проси рабовъ, господства надъ землей,
Надъ всей, или надъ частью; пожелай
Повелѣвать стихіями, въ которыхъ
Мы царствуемъ; все вмѣстѣ и все врозь .
Изъ этого—твое.

Манфредъ. Забвенья лишь, забвенья!
Не нужны мнѣ таинственныя царства,
Когда и тамъ — чего ищу я — нѣтъ.

Духъ. Забвенья нѣтъ ни въ нашемъ существѣ,
Ни въ знаньи чаръ,—зачѣмъ ты не умрешь?...

Манфредъ. Его найду ль я въ смерти?

Духъ. Мы бессмертны —
И забывать намъ не дано; мы вѣчны —
И нѣтъ для насъ ни завтра, ни вчера,
Все вѣчное теперь. Вотъ нашъ отвѣтъ.

Манфредъ. Смѣетесь вы! Къ чему такая гордость?
Рабы! огонь страдальца Прометея,
Мой умъ, мой духъ, свѣтящійся во мнѣ,
И такъ же чистъ, и такъ же проникающъ,
И такъ же всеобъемлющъ, какъ и вашъ,
Хоть онъ и облеченъ земною перстью.
Отвѣта жду, иль покажу вамъ—кто я!

Духъ. Мы вновь отвѣтимъ тоже; даже болѣ:
Въ твоихъ словахъ отвѣтъ нашъ.

Манфредъ. Въ чемъ и какъ?

Духъ. Когда сходна твоя природа съ нашей,
Мы дали ужъ отвѣтъ тебѣ, сказавъ,
Что смерть для насъ—название безъ предмета.

Манфредъ. Напрасно все: вы мнѣ помочь не въ силахъ,
Иль просто не хотите!

Духъ. Говори;
Чѣмъ только мы владѣемъ—все твое;
Не торопись насъ отпускать; проси
Господства, силъ, короны, долгихъ дней.

МАНФРЕДЪ. Проклятiе! къ чему мнѣ ваши дни?
И безъ того они ужъ длинны. Прочь отсюда!

ДУХЪ. Постой—здѣсь быть мы не хотѣли бѣ даромъ;
Подумай хорошенъко — точно ль нѣтъ
Ни одного желаннаго предмета
Для чувствъ твоихъ?

МАНФРЕДЪ. Ни одного;—нѣтъ, стойте.
Я бѣ видѣть васъ хотѣлъ лицомъ къ лицу.
Я слышу стонъ томящихъ голосовъ,
Какъ плачъ волны въ вечернiй часъ; я вижу
Лишь неподвижную звезду, и все:
Откройте мнѣ въ обычныхъ вашихъ лицахъ,
Какъ существа, доступныя для глазъ.

ДУХЪ. Мы существа безъ лицъ и внѣ стихiй,
Которыхъ мы и души, и причина,
У насъ нѣтъ лицъ; но избери любое,

МАНФРЕДЪ. Мнѣ выбирать? Но на землѣ всѣ лица,
Всѣ для меня равны. Пусть тотъ изъ васъ,
Кто выше всѣхъ, могучѣй и прекраснѣй,
Возьметъ себѣ себя достойный видъ.

Седьмой духъ, (*являясь въ видѣ пре-
красной женщины*).

Гляди!

МАНФРЕДЪ. Мой Богъ! О, если бѣ не была ты
Одной мечтой безумной головы!
Я могъ бы быть... Дай обниму тебя —
И будешь снова... (*Видимiе исчезаетъ*).

Грудь моя! разбейся.

(*Манфредъ падаетъ безъ чувствъ*).

ГОЛОСЪ. Только мѣсяцъ взойдетъ надъ рѣкой,
Загорится червякъ надъ травой,
Метеоръ надъ могилой сырою,
Огонекъ надъ болотной водою,
Въ небѣ звезды зажгутся едва,
Прокричитъ гробовая сова,
Вѣтерки лишь ночные задышутъ
И заснувшимъ листомъ заколышутъ,—
Ты почувешь, проклявши себя,

Что незримо я подлѣ тебя.

Хоть и сонъ твой далеко не сонъ,
У души твоей отнять и онъ;
Есть для ней неотступныя тѣни
И есть думы страшнѣй привидѣній;
Непонятной и тайной судьбой
Онъ всюду пойдутъ за тобой;
Одной мыслью объять—гробовою,
Каждый часъ трепеща подъ грозою,
Будешь жить, до скончанія дней,
Ты подъ властію чары моей.

Хоть не рядомъ ходить буду я,
Всюду взоръ твой увидитъ меня;
Я вельніемъ тайнаго рока
Отъ тебя не должна быть далеко;
И когда, въ тайномъ страхъ, назадъ
Обратишь ты испуганный взглядъ,
Удивишься ты, будто видѣнью,
Что съ твоей я не смѣшана тѣнью,
Хоть вліянье мое надъ тобой
Ты скрывать будешь гордой душой.

Полонъ стихъ мой таинственныхъ силъ,
Онъ проклятьемъ тебя заклеимилъ,
И одинъ, между злыми духами,
Твою душу опуталъ свѣтами;
Будетъ вѣтеръ тебя укорять,
Запрещать тебѣ вольно дышать;
Ночь тебѣ не навѣетъ собою
Ея тихаго неба покою;
Будетъ солнце затѣмъ лишь у дня,
Чтобъ заката желалъ ты, стена.

Я отъ слезъ твоихъ слезку взяла,
Въ ней обманъ и убійство нашла;
Черной крови изъ сердца достала,
Я чернѣй черноты не видала;
Я поймала змью на улыбку твоей,
Въ ней царицу увидѣла змѣй;
Съ твоихъ устъ сорвала обаянье,

Но ему не нашла и названья;
Я все яды сравнить собрала,
Твой всѣхъ ядовитѣй нашла.

Чернымъ сердцемъ, улыбкой—змѣей,
Твоей хитростью адской и злой,
Притворяться умѣющимъ взглядомъ,
Лицемерной души твоей ядомъ,
Тѣмъ искусствомъ, которымъ прослылъ
Человѣкомъ такой крокодилъ,
Надъ печалью чужою злорадствомъ
И проклятому Каину братствомъ, —
Заклинаю тебя, чтобъ ты жилъ
И въ груди твоей адъ свой носилъ!

Я держу мой флакъ надъ тобой,
Въ немъ все скорби души до одной;
Я на вѣки твой сонъ погубила,
Твою смерть отъ тебя отдалила,
И хоть смерть одно счастье твое,
Ты желать не посмѣешь ее.
Вотъ моя совершилась ужъ чара,
Надъ тобой раздражается кара
И въ крови, и въ мозгу, и въ костяхъ,
Чтобъ ты вѣчно и сохнулъ и чахъ!...

СЦЕНА II.

Гора Юнгфрау. — Утро.

Манфредъ, (одинъ, надъ обрывомъ скалы).

И черти мнѣ, и чары изменили;
Напрасно я ихъ тайны изучалъ:
Моя болѣзнь ни чѣмъ неисцѣлима.
Опоры сверхъестественной искать
Я не хочу: нѣтъ надъ прошедшимъ власти,
А будущность—не мнѣ ея желать,
Пока во тѣмъ прошедшее не скрылось.
Природа-мать! ты, свѣтъ дневной, вы, горы!
Зачѣмъ вы такъ прекрасны? Я любить

Васъ не могу. И ты, свѣтило дня!
 Ты видишь все, ты гонишь мракъ отвсюду,
 На эту грудь не свѣтишь ты одну.
 Вы, скалы горъ, на высотъ которыхъ
 Теперь стою, межъ тѣмъ какъ тамъ, внизу,
 На берегу ручья, громадныхъ сосенъ
 Высокій лѣсъ мнѣ видѣнь, какъ тростникъ!..

Но если шагъ, движенье, вздохъ единый
 Способны успокоить бѣдный духъ мой
 На ихъ груди кремнистой, что я медлю?
 Меня манитъ—я ни на шагъ впередъ,
 Меня страшитъ—я и назадъ ни шагу;
 Нога тверда, хотъ голова кружится.
 Я чувствую—есть надо мною власть,
 Что умереть мѣшаетъ мнѣ и жить—
 Велитъ мнѣ жить, когда лишь значить жить —
 Увядшій духъ носить въ груди усталой,
 Какъ-бы въ гробу; да, я давно оставилъ
 Последнюю уловку преступленья—
 Оправдывать себя въ своихъ глазахъ.

(Видѣнь парящій орелъ).

О, если-бъ ты, парящій въ облакахъ,
 Крылатый царь земнаго поднебесья,
 Внизъ ринулся, и сдѣлалъ бы меня
 Добычею орлятъ твоихъ!—Мой взоръ
 Тебя слѣдить ужъ далѣе не въ силахъ,
 Межъ тѣмъ какъ твой—впередъ, и вверхъ, и внизъ,
 Повсюду проникаетъ.—Красота!
 О, какъ хорошъ весь этотъ зримый мѣръ,
 Какъ величавъ во всѣхъ своихъ явленьяхъ!
 А мы — его названные цари,
 Мы полупрахъ и полубоги, такъ же
 Негодные парить, какъ пресмыкаться,
 Мы—двойственной природою своей,
 Приносимъ въ мѣръ одну вражду съ природой,
 Волнуемъ движеньемъ гордыхъ думъ,
 Презрѣнныхъ нуждъ, тщеславья, униженья,
 Пока надъ всѣмъ не воцарится смерть
 И человѣкъ... Но человѣкъ стыдится

Дальнѣйшаго признанья... Чу! свирѣль—

(Вдали слышна пастушечья свирѣль).

Природное дыханье тростника.

Здѣсь жизнь патріархальная не просто
Пастушечья лишь сказка. Стонъ свирѣли
И колокольчики веселыхъ стадъ вдали
Слились въ одно. Душа глотаетъ жадно
Чудесныя созвучья. О, когда-бъ
Я только былъ душой незримой звука,
Иль голосомъ, въ гармоніи живущимъ,
Дыханьемъ безтѣлеснымъ, познающимъ
И жизнь и смерть въ дыханьи тростника!

(Съ нижней части горы показывается охотникъ).

Охотникъ. Я видѣлъ, — тутъ сайга моя мелькнула
И скрылась быстроножка. Потерялъ
Я день труда тяжелаго. Кто это?
Онъ не глядитъ охотникомъ, межъ тѣмъ
Взобраться могъ на высоту такую,
Что и изъ насъ не всякій бы посмѣлъ.
Мужалый видъ, богатая одежда,
И гордый взоръ, какимъ лишь обладаетъ
Свободныхъ странъ свободный селянинъ...
Я подойду къ нему.

Манфредъ, *(не замѣчая охотника)*. И такъ томясь,
Дряхлѣть отъ мукъ, какъ черныя тѣ сосны,
Лишенная грозой коры, вѣтвей;
Подобно имъ, торчатъ спаленнымъ стеблемъ,
Черньющимъ на корнѣ проклятомъ;
Дышать и жить лишь чувствомъ увяданья,
И жить лишь такъ, и вѣчно только такъ,
Знавъ жизнь другую. Я обезображенъ
Морщинами, что провсли не годы,
А дни, часы, подобные вѣкамъ;
Часы и дни, которыхъ безконечность
Близка къ концу.—Вы, подвижныя глыбы!
Вы, горы льда, на волоскѣ единомъ
Висящія! обрушьте на меня.
Я слышу трескъ и грохотъ подъ собою
Отъ вашего паденья; но, увы!

Вы губите—чему бы жить лишь надо:
Цвѣтущій лѣсъ, пастушечій шалашъ,
Иль хижину простую селянина.

Охотникъ. Туманъ вставать въ долину начинаетъ;
Я предложу ему сойдти, иль онъ
Свой путь и жизнь вдругъ потерять рискуетъ.

Манфредъ. Вкругъ ледниковъ клубами бьютъ туманы
И вверхъ ползутъ, свиваясь въ облака
Сърнстыя и бѣлыя, какъ пѣна
Дымящейся геенны: такъ волной
Мертвящею ползетъ сама геенна
На берегъ жизни, грѣшными людьми
Подавленный отвсюду, какъ кремнями.
Я чувствую круженъе головы.

Охотникъ. Я долженъ осторожнѣй быть, не то
Внезапною его могу смутить я,
А онъ и такъ чуть на ногахъ стоитъ.

Манфредъ. Какъ горы, вновь обрушились лавины,
Прорвавши ткань ползучихъ облаковъ,
Поколебавъ всю цѣпь альпійскихъ горъ;
Осколками засыпаны долины;
Теченье рѣкъ замедлено; въ туманы
Ихъ воды обращаются; потоки
Должны искать русла другаго. Такъ,
Такъ нѣкогда, подточенный годами,
Палъ Розенбергъ — великая гора.
Зачѣмъ тогда я не стоялъ подъ нею?

Охотникъ. Остерегись, пріятель!—лишній шагъ,
И ты погибъ; не стой же, ради Бога,
Надъ этою обрывистой скалой.

Манфредъ, *(не слыша его)*. Достойная костей мнѣхъ могила
Моимъ костямъ тогда-бъ дала покой,
И не были-бъ они игрушкой вѣтра,
Какъ быть должны теперь, когда послѣдній
Я шагъ шагну.—Ты, утреннее небо!
О, не гляди такъ гнѣвно на меня.
Ты создано не для меня. Земля!

Прощай. Прими свои пылинки.

(Въ то время, какъ Манфредъ принялъ уже положеніе чловѣка, желающаго броситься съ высоты, охотникъ его схватываетъ и удерживаетъ внезапнымъ движеніемъ).

Охотникъ. Остановись, безумецъ! не пятнай
Столь чистыхъ мѣстъ своей преступной кровью.
Иди за мной; не вышущу,—види.

Манфредъ. Во мнѣ изсохло сердце;—стой же, стой,—
Не жми меня; я ослабѣлъ; вотъ горы
Идутъ кругомъ; я слышу; кто ты, кто ты?

Охотникъ. Я послѣ расскажу. Иди за мной.
Сбирается гроза;—не отставай;—
Сюда вотъ стань ногою;—такъ;—смѣлѣ;
Схватись за этотъ кустъ, да дай мнѣ руку,
Иль за поясъ возьми меня;—шагай;—
До хижины мы доберемъ въ часъ;
А вотъ какъ—разъ мы выйдемъ на дорогу,—
Иль на тропу, которую прорылъ
Потокъ зимы сердитой;—ну,—вотъ! браво!
Ты могъ бы быть охотникомъ.—За мной.

(Манфредъ и охотникъ съ трудомъ спускаются съ горы; сцена закрывается).

Актъ второй.

СЦЕНА I.

Хижина между Бернскими Альпами.

МАНФРЕДЪ И ОХОТНИКЪ.

Охотникъ. Нѣтъ, нѣтъ; постой, ты долженъ обождать;
Ты не окрѣпъ ни тѣломъ, ни душою;
Хоть часъ—другой, по крайней мѣрѣ;—я
Потомъ опять твой провожатый; только—
Скажи куда?

Манфредъ. Зачѣмъ тебѣ? я знаю
И самъ мой путь; мнѣ проводникъ не нуженъ.

Охотникъ. Ты человекъ высокаго рожденья,
Одинъ изъ тѣхъ, чьи замки съ горныхъ скалъ
Къ намъ смотрять на долины; ты владѣтель
Котораго межъ ними? Мнѣ знакомы
У нихъ одни ворота; но порою
И у огня ихъ очаговъ громадныхъ
Съ вассалами случалось мнѣ сидѣть;
Поэтому, тропинки къ ихъ воротамъ
Я знаю всѣ;—изъ нихъ, который твой?

Манфредъ. Все для тебя равно.

Охотникъ. Прости за спросъ
И не сердись; не откажись отвѣдать
Отъ моего вина; какъ много разъ
Оно въ горахъ мнѣ кровь отогрѣвало!—
Попробуй самъ: ну, чокнемся съ тобой.

Манфредъ. Прочь, прочь! кровь по краямъ течетъ... Ужели
Ее земля не приметъ никогда?

Охотникъ. Ты внѣ себя; ты бредишь, какъ во снѣ.

Манфредъ. Я говорю—тутъ кровь! Гляди—тутъ кровь!
Та теплая и чистая струя
Моихъ отцовъ, что нашу грудь живила,
Когда мы съ ней, живя одной душой,
И молоды такъ были, и любили,
Какъ не должно-бъ другъ друга намъ любить.
Кровь эта пролита, но паръ кровавый,
Какъ облако, мнѣ застилаетъ небо,
То небо, гдѣ тебя покуда нѣтъ,
А мнѣ не быть, мнѣ никогда не быть!

Охотникъ. О, странный человекъ, гонимый страхомъ
Невидимыхъ чудовищъ,—хоть твой грѣхъ
И долженъ быть ужасенъ,—все найти
Ты могъ бы облегченье: призови
Святыхъ мужей и кроткое терпѣнье.

Манфредъ. Терпѣнье!—нѣтъ; не кровожаднымъ птицамъ,
Оно идетъ лишь вьючному скоту.

Тверди о немъ тебѣ подобной грязи;
Я не изъ вашей братьи.

Охотникъ. Слава Богу!
Да мнѣ хоть дай Вильгельма-Теля славу,
Я-бъ нѣ хотѣлъ быть вашимъ. Но сносить
Ты зло свое обязанъ безъ роптанья.

Манфредъ. Я и сношу! гляди: вѣдь я живу.

Охотникъ. Не только жить, — такъ умирать ужасно.

Манфредъ. Я говорю — я прожилъ много лѣтъ,
Тяжелыхъ лѣтъ; но тѣ лѣта — мгновенья
Предъ тѣмъ, что мнѣ осталось доживать:
Что часъ — то вѣкъ, что шагъ — то безконечность,
Съ боязню и жаждой умереть.

Охотникъ. А по лицу ты смотришь человѣкомъ
Лишь среднихъ лѣтъ: тебя я старше много.

Манфредъ. Ты жизнь привыкъ лишь измѣрять лѣтами.
Ты правъ; но мѣра нашихъ лѣтъ — дѣла.
Мои жъ дѣла умножили безъ счета
И дни мои, и ночи; другъ на друга
Ихъ сдѣлали похожими точь въ точь
Какъ два зерна песку на днѣ морскомъ;
Въ холодную пустыню обратили,
Подобную безплоднымъ берегамъ,
Гдѣ дикій валъ, отхлынувъ, оставляетъ
Осколки щепъ, обломки скалъ, кремни,
Траву горькосоленую, да трупы.

Охотникъ. Увы! онъ сумасшедшій. Какъ мнѣ быть?

Манфредъ. О, еслибъ я былъ сумасшедшій вправду!
Тогда бы все, что мечется въ глазахъ,
Что вижу я... одной мечтой бы было.

Охотникъ. Что жъ видишь ты, иль думаешь видать?

Манфредъ. Тебя — простолюдина и себя,
Твой скромный бытъ, гостепріимный кровъ,
Покорный духъ, но гордый и свободный,
И это уваженіе къ себѣ,
Которому основой — непорочность;
Дни, полные здоровья, ночи — сна;

Твои труды, которые опасность
Собою благородить; долгій вѣкъ,
Съ надеждою на тихую могилу;
Надъ нею крестъ съ вѣнкомъ изъ травъ, сплетеннымъ
Любовію внучатъ твоихъ—вотъ, вотъ
Что вижу я, когда жь взгляну въ себя:..
Но все равно—душа моя увяла.

Охотникъ. Ужель съ моей ты бѣ долей помѣнялся?

Манфредъ. Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ! я бѣ не хотѣлъ обидѣть
Живую тварь столь гибельной мѣной.
Я выносить могу и выношу—
Чего другимъ не перенестъ во снѣ:..

Охотникъ. И съ этакимъ участіемъ къ собратьямъ,
Ты очерненъ грѣхомъ? Не говори.
Съ такой душой возможно ль жаждать крови
Хоть злѣйшаго врага!

Манфредъ. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Я обижалъ лишь тѣхъ, кого любилъ я,
Къмъ былъ любимъ: враговъ я поражалъ
Въ законной лишь защитѣ,—но объятъ,
Губительны мои объятъ были...

Охотникъ. О, Боже! дай душѣ его покой,
Дай слезы покаянія грѣху. —
Я помолюся за тебя.

Манфредъ. Напрасно.
Но пожалѣть ты можешь. Я иду.
Пора, — прощай. Вотъ деньги; — безъ отказа;
Я долгъ плачу; но не ходи за мной;
Я знаю путь; теперь онъ безопасенъ.
Еще, еще разъ,—не ходи за мной!
(Манфредъ уходитъ.)

СЦЕНА II.

Долина между Альпами. — Водопадъ. — Утро.

Манфредъ. Еще полудня нѣтъ и радуга горитъ

Надъ водопадомъ аркой семицвѣтной;
 Гремучій валъ серебряною гладью
 Съ отвѣсныхъ скалъ свергается стремглавъ
 И пѣною вздымается косматой,
 Какъ тяжкій хвостъ гигантскаго коня,
 Коня,—какъ говоритъ Апокалипсисъ, —
 На коемъ смерть примчится въ день суда.
 Одинъ я упиваюсь этимъ видомъ, —
 О, одному здѣсь быть такъ хорошо! —
 Но раздѣлю хоть съ Фесей водопада
 Чудесный мигъ. Я вызову её.

(Манфредъ беретъ воды въ горсть и брызжетъ ею на воздухъ, произнося заклинанія. Спустя немного, является Фея подъ сводомъ радуги надъ водопадомъ.)

МАНФРЕДЪ. Прекрасный духъ! дозвожь мнѣ надивиться
 Твоихъ волосъ отливу золотому,
 Твоихъ очей лучистому сіянью,
 Всему, всему, чѣмъ смертныхъ нашихъ дѣвъ
 Безсмертье надѣляетъ лишь за гранью
 Созданія земнаго.—Между тѣмъ
 Какъ молодость ланить твоихъ пылаеть
 Румянцемъ ангела-младенца, на груди
 У матери заснуваго съ улыбкой,
 Иль пурпуромъ, что лѣтомъ, въ часъ вечерній,
 На двѣственныхъ снѣгахъ ледяныхъ горъ
 Горитъ, какъ стыдъ, румяный стыдъ земли,
 Цѣлующейся съ небомъ;—между тѣмъ
 Какъ видъ небесный твой мрачить собою
 Блескъ радуги, согнутой надъ тобой, —
 Прекрасный Духъ! въ твоемъ покойномъ взорѣ,
 Отколь глядитъ безсмертная душа,
 Волненью недоступная, я вижу,
 Что сынъ земли, которому дана
 Власть вышняя бесѣдовать съ духами,
 Тобой прощенъ, что смѣль къ тебѣ взывать,
 Что на твое безсмертіе глядитъ онъ.

Фея. О, сынъ земли! я знаю и тебя,
 И тѣхъ, кому ты властію обязанъ.

Ты человекъ обильныхъ думъ и дѣлъ,
 Въ добръ и зль равно неукротимый,
 Губительный и ближнимъ и себѣ.
 Чего во мнѣ ты ищешь? отвѣчай!

Манфредъ. Лишь дай взглянуть на красоту твою.
 Лице земли свело меня съ ума,
 И я ищу спасенья въ ея тайнахъ,
 Ея владыкъ невидимыхъ бужу,—
 Хоть и они мнѣ тожъ не пособили.
 Я въ нихъ искалъ, чего они не въ силахъ
 Мнѣ были дать; теперъ я не ищу
 Ужъ ничего.

Фея. Что жъ быть могло, чего бы
 Не въ силахъ дать сильнѣйшія изъ силъ,
 Правители стихій?

Манфредъ. Хоть для меня тутъ пытка, — все равно,—
 Моя печаль найдетъ слова и голосъ:
 Отъ юныхъ лѣтъ съ людьми я не сходилъся,
 Не могъ глядѣть глазами ихъ на мѣръ;
 Ихъ жажды честолюбыя я не зналъ,
 Цѣль жизни ихъ мнѣ не служила цѣлью.
 Моя любовь, стремленія, печали, —
 Все дѣлало межъ нихъ меня чужимъ.
 Я не любилъ одушевленныхъ тварей
 Любовію собрата; лишь одна,
 Была одна; но послѣ.... Я сказалъ,
 Что я съ людьми лишь слабое общенье
 Поддерживать старался; но въ душѣ
 Я страсть имѣлъ къ пустынь; упиваться
 Я воздухомъ любилъ ледяныхъ горъ,
 Гдѣ птицы гнѣздъ свивать себѣ не смѣютъ,
 Гдѣ взоръ лишь наготовю пораженъ;
 Иль вольному теченью предаваться
 Сердитыхъ волнъ, сгибаясь грудь на грудь
 Съ ихъ силой негодующей, межъ тѣмъ,
 Какъ океанъ на дерзкую отвагу,
 Казалось, самъ, дивясь ей, ронталъ;
 Такъ укрѣплялъ я силы молодыя;
 Иль созерцать любилъ до слѣпоты

И свѣтъ луны, и синихъ звѣздъ сіянье;
 Иль приучалъ глаза мои глядѣть
 На молнію, не жмурясь; иль ходилъ
 Внимать норой осеннею въ лѣсахъ
 Вечерній плачь рыдающаго вѣтра.
 Такъ проводилъ я время; и когда бѣ
 Кто изъ людей,—съ которыми стыжуся
 Я быть въ родствѣ,—тогда передо мной
 Явился вдругъ, съ какимъ бы отвращеньемъ
 Я вспомнилъ вновь, что самъ я человекъ! —
 Тамъ, тамъ, въ моемъ блужданьи одинокомъ,
 Я былъ впервой подъ сводами могилъ,
 Ища причинъ въ ихъ слѣдствіяхъ; тамъ, тамъ —
 Изъ тѣхъ костей, изъ череповъ и праха
 Преступныя извлекъ я заключенья.
 Съ тѣхъ поръ, я сталъ томительныя ночи
 Наукамъ запрещеннымъ посвящать,
 И съ помощью великой ордалинъ,
 Безсоннаго труда и воздержанья
 Тяжелаго, способнаго собою
 Пространства и стихіи покорять
 И удивлять духовъ безплотныхъ, — я
 Лицомъ къ лицу сталъ видѣть безконечность,
 Какъ древніе, властительные маги
 И тотъ *, предъ кѣмъ изъ тайныхъ ихъ жилищъ,
 Являлися Эросъ и Антеросъ,
 Какъ ты передо мной.—Но съ этимъ знаьемъ
 Лишь жажда знать безмѣрная росла
 Въ моей груди; свѣтъ высшій разумнья
 Меня манилъ,—покуда...

Фвѣ.

Продолжай.

Манфредъ. Не торопи! я расточаю рвчи
 Напрасныя,—я знаю; я хочу
 Лишь отдалить кровавую развязку;
 Но для чего? Я не назвалъ тебѣ
 Ни матери, ни друга, ни отца,
 Ни женщины любимой, никого,
 Съ кѣмъ узами земными былъ бы связанъ.

* Философъ IV вѣка, Ямблѣхъ.

Перев.

•

Я ихъ имѣлъ, и только-что имѣлъ.
Была одна, одна лишь —

Фея.

Говори!

Манфредъ. Она была такъ на меня похожа,
Что цвѣтъ волосъ, глаза, черты лица
У насъ почти одни и тѣ же были,
Когда бы въ ней все это красотой
Смягченнымъ не казалось. Таже смѣлость
Высокихъ думъ въ груди ея жила
И та же страсть къ уединенью; умъ,
Вселенную обнять собой способный.
Но съ этими дарами, ей одной
Былъ свыше заповѣданъ даръ елейный —
Улыбокъ, слезъ,—чего я не имѣлъ,
И нѣжности, — что я имѣлъ лишь къ ней,
Покорности,—чего совсѣмъ не зналъ я.
Ея грѣхи—и мнѣ принадлежали,
Но ей одной—ея святыя свойства.—
И я любилъ и погубилъ ее.

Фея. Своей рукой?

Манфредъ. Нѣтъ, не своей рукой.
Но сердце сердцемъ расколѣлъ я въ ней.
Ея душа мнѣ въ душу заглянула,
Прочла тамъ приговоръ свой — и увяла.
Я пролилъ кровь, но не ея, хоть кровью
Она была обагрена. Я видѣлъ
И не отеръ.

Фея.

И для созданья праха
Изъ племени, къ которому ты самъ
Столь мощное питаешь отвращенье,
Взывая къ намъ и восходя до насъ,
Ты могъ забыть даръ высшаго познанья
И снова къ грязи прильпиться?—Прочь!

Манфредъ. Волшебница! я говорю тебѣ —
Съ тѣхъ поръ.—Но что слова? одно дыханье.
Приди взглянуть на мой лишь только сонъ,
Побудь со мной, когда томлюсь безъ сна я,
Сядь около, когда сижу одинъ

Обдумай хоть отказъ свой.

МАНФРЕДЪ.

Я сказалъ.

ФЕЯ. Довольно!—иль я скроюсь.

МАНФРЕДЪ.

Ну-да, скройся.

(Фея исчезаетъ)

МАНФРЕДЪ. *(Одинъ)*. Мы времени игрушки лишь простыя;

День днемъ смѣняется, и мы живемъ,

И жизнь клянн, и умереть боясь.

Между всѣхъ дней проклятаго ярма,

Давящаго собою насъ безмърно

И сердце заставляющаго жить

Отравой мукъ, иль ложною отрадой,

Влекущею усталость и позоръ,

Да,—межъ всѣхъ дней минувшихъ и грядущихъ,—

А настоящаго у жизни нѣтъ,—

Какъ мало дней, и менѣе, чѣмъ мало,

Мы насчитать могли-бъ, когда душа

О смерти не тоскуетъ, и межъ тѣмъ,

Предъ ней дрожить, какъ средъ зимы холодной

Передъ рѣкой застывшей, хоть ознобъ

Могъ быть одно мгновенье.—Но за мной

Еще одно есть средство; я могу

Спросить у мертвецовъ—что значить смерть:

Отвѣтъ изъ всѣхъ мрачнѣйшій тутъ: могила.

Могила—ничего. Но получу ли

Отвѣтъ?—Пророкъ усоншій отвѣчалъ

Волшебницъ Эндорской; царь спартанскій *

Изъ мертвыхъ устъ несчастной Византійки

Свою судьбу узнать могъ.—Онъ убилъ—

Кого любилъ, не зная, кого убилъ онъ,

И умеръ непрощеннымъ, какъ ни громко

Взывалъ къ Юпитеру, какъ ни молилъ

Волшебниковъ аркадскихъ преклонить

Тѣнь гнѣвную—иль гнѣвъ забыть, иль мщенью

Поставить грань. Она дала отвѣтъ

Двусмысленный, но онъ сбывся до буквы.

Лишь не родился я, та—кого люблю я

* Исторія Пакзанія и Клеоники, переданная Плутархомъ въ жизни Кимона.
Перев.

Жила-бъ досель; лишь не люби я,—та,
 Кого люблю, была-бъ досель прекрасна;
 Счастливая, счастливала-бъ другихъ. —
 Но что она? О, что она теперь?
 Иль что-нибудь, о чемъ подумать страшно,
 Или ничто.—Чрезъ нѣсколько часовъ
 Я голоеъ иъ нейъ возвышу не напрасно.
 Какъ ни боюсь,—тверда моя рѣшимость.—
 Я трепещу, хотъ странно, хотъ досель
 Не трепеталъ ни злыхъ духовъ, ни добрыхъ.
 Я чувствую въ груди холодный ледъ;
 Но я могу и то, чего робью,
 И не робеть могу я.—Вотъ и ночь.
 (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Вершина горы Юнифрау.

ПЕРВАЯ СУДЬБА. Встаетъ луна свѣтла, чиста, багряна;
 Здѣсь на снѣгахъ, гдѣ смертнаго нога
 Отъ вѣка не ходила, легкой тѣнью
 Мы по ночамъ скользимъ.—На хрусталь
 Узорчатомъ и хрупкомъ горъ ледяныхъ,
 Взъерошенныхъ, какъ пѣна бурныхъ волнъ,
 Застывшихъ вдругъ подобьемъ мертвой бури, —
 Отъ нашихъ ногъ ни шума, ни слѣдовъ...
 На этой крутизнѣ внищеобразной,—
 Созданія подземнаго огня,—
 Гдѣ тучи отдыхаютъ мимоходомъ,
 Мы шабашн безсонные творимъ.
 Здѣсь, по пути къ чертогамъ Аримана,
 Я жду сестрицъ, за тѣмъ что въ эту ночь
 У насъ великій шабашъ.—Что жъ ихъ нѣтъ?—

Голосъ, (*поющей извнѣ*).

Приговоренный къ плахъ,
 Злодѣетва исполнѣ,
 Лежалъ въ цѣпяхъ и прахъ

Забытый и одинъ.
 Отъ сна я разбудила,
 Я цѣпь съ него сняла,
 Съ толпою примирила,
 Тирану власть дала.

Въ награду мнѣ мильонъ людей онъ сгубитъ,
 И вновь падетъ, и вновь моимъ онъ будетъ.

Второй голосъ, (*тоже извнѣ*).

Корабль летѣлъ впередъ, корабль летѣлъ орломъ,
 Ни паруса теперь, ни мачты нѣтъ на немъ;
 Вся палуба въ щепяхъ, весь кузовъ сталь въ обломкахъ,
 И даже не кому поплакать объ осколкахъ;
 Лишь одного схвативъ межъ волнъ за волоса
 Мерзавца я спасла,—онъ дѣлъ моихъ краса.
 Убійца на земль, пиратъ на океанъ,
 Не будетъ онъ въ долгу, не буду я въ обманъ.

Первая судьба, (*отвѣчая*)

Спитъ сладко столица,
 Но горе ей, горе;
 Лишь днемъ озарится,—
 Къ ней тайно, какъ воръ,
 И гнѣвень, какъ море,
 Подкрадется моръ.
 Зіяетъ могила;
 Любовь охладится
 Къ тому, что любила,
 Лишь чернымъ пятномъ
 Чума воцарится
 Надъ милымъ челомъ.
 Дни плача настанутъ;
 Смятенные люди
 Завидовать станутъ
 Почившимъ въ гробахъ,—
 Что мертвыя груди
 Не трогаетъ страхъ.
 Дохнула я только, и царства не стало;
 Для дѣлъ моихъ страшныхъ мнѣ вѣчности мало.

(*Вторая и третья судьбы входятъ*).

Всѣ три Судьбы.

Сердца людей въ рукахъ у насъ,
Ихъ гробъ—подножье намъ,
И на одинъ даемъ лишь часъ
Мы жизнь своимъ рабамъ.

Первая судьба. Сестрицы! здравствуйте. Гдѣ жъ Немезида?

Вторая судьба. За страшную какой-нибудь работой;

Но я сама не складывала рукъ
Отъ множества заботъ.

Третья судьба. Вотъ и она.

(*Входитъ Немезида*).

Первая судьба. Гдѣ пропадать могла ты?—Въ эту ночь
Явилась ты позднѣе всѣхъ сестрицъ.

Немезида. Не мудрено: я воздвигала троны
Изъ мелкихъ щенъ; женила дураковъ;
Тирановъ власть наслѣдствомъ укрѣпляла;
Я людямъ мсть внушала на враговъ,
Чтобъ мстители себя жъ потомъ прокляли;
Изъ мудрецовъ я дѣлала шутовъ,
А изъ глупцовъ—оракуловъ, и міромъ
Имъ управлять дала. Они совсѣмъ
Изъ моды выходили, и народы
Осмѣлились зазнаться. Вдругъ царей
Имъ вздумалось взвѣшивать на гири,
Чтобъ черезъ то свой вѣсъ опредѣлить.
Дался имъ запрещенный плодъ свободы...
Ого! да намъ пора на облака!

(*Исчезаютъ*).

СЦЕНА IV.

Чертоги Аримана.—*Ариманъ на тронѣ; въ рукахъ его огнен-
ная держава, окруженная духами.*

Гимнъ духовъ. Хвала, хвала властителю ээира,
На облакахъ поставившему тронъ!
Преобразить въ хаосъ стихіи міра
Однимъ движеніемъ скиптра можетъ онъ.

Дохветъ—и бурь свирѣпый духъ взыграетъ,
 Заговорить—громъ грянетъ въ небесахъ,
 Уронить взглядъ—лучь солнца померкаетъ,
 Подвигнется—міръ дрогнетъ на осяхъ.
 Волканы горъ—слѣдовъ его примѣты,
 Гдѣ тѣнь его—тамъ воцарился моръ,
 Ему въ пути—предшествуютъ кометы,
 Планеты въ неплѣ—сжигаетъ гнѣвный взоръ.
 Ему война свои приноситъ дани,
 И жизнь и смерть принадлежатъ ему
 Съ морями слезъ и вѣчною страданій;
 Омъ жизнь, душа, созданіе всему!

(Входятъ судьбы и Немезида).

Первая судьба. О, слава Ариману! на землѣ
 Растетъ его держава; сотворили
 Мы волю насъ пославнаго вполнѣ.

Вторая судьба. О, слава Ариману! мы склоняемъ
 Главы людей, но клонимся предъ нимъ.

Третья судьба. О, слава Ариману! всѣ мы ждемъ
 Единого его лишь мановенья.

Немезида. Властителей властитель! мы твои;
 Все, что живетъ, мы называемъ нашимъ—
 Что менѣе, что болѣе, что снолна;
 Но раздвигать предѣлы нашей власти —
 Нашъ вѣчный долгъ, чтобы росла твоя;—
 И мы не снимъ: твоей послѣдней воли
 Послѣдній звукъ исполненъ.

(Входитъ Манфредъ).

Духъ. Это кто?
 Простой лишь смертный! Жалкое созданье!
 Склонись и помолись.

Второй духъ. Въ немъ узнаю я
 Волшебника великихъ силъ и знаній.

Третій духъ. Склонись и помолись, рабъ! Иль ты
 И твоего и нашего владыку
 Не узнаешь? Иль въ прахъ, иль трепещи!

Духи всѣ. Во прахъ со возмъ твоимъ проклятымъ прахомъ!
 Иль бойся нашей мести.

МАНФРЕДЪ. Все я знаю —
И все не гну колынь.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХЪ. Тебя научать.

МАНФРЕДЪ. Но эту я науку знаю самъ.
О, сколько разъ въ безмолвн ночей
Я приникалъ лицомъ къ земль холодной
И голову золою посыпалъ!
Всю полноту испилъ я униженья,
Мнѣ нечему учиться: поникалъ
Я головой предъ собственнымъ безсилемъ,
Какъ рабъ предъ нимъ колыни я сгибалъ.

ПЕРВЫЙ ДУХЪ. Не ты ль дерзнешь не поклониться трону,
Съ котораго во славу Ариманъ
Вселенной принимаетъ поклоненье?
Пади! я говорю.

МАНФРЕДЪ. Пусть Ариманъ
Сперва предъ тьмъ, кто безконечно выше,
Къмъ созданъ онъ не ради поклоненья,
Склонится самъ, я съ нимъ согну колына.

ДУХИ. Раздавимъ червяка, развѣемъ въ прахъ!

ПЕРВАЯ СУДЬБА. Прочь! прочь! Онъ мой. Владыка силъ не-
зримыхъ!

Вотъ человекъ, на смертныхъ не похожій,
Какъ видъ его намъ кажется и одно
Присутствіе ужъ здѣсь. Печали
Его души, по ихъ природѣ, были
Безсмертны, какъ и наши; гордость думъ,
Познанія и непреклонность воли,
(Забудемъ персть приливную столь мотно
Къ безсмертію), въ немъ были таковы,
Что прахъ земной не облекалъ собою
Подобныхъ никогда; за грань земли
Его влекли надменные стремленье,
Чтобъ привести къ тому же, до чего
Дошли и мы,—что въ знаніи нѣтъ счастья,
Что свѣтъ наукъ есть жалкій лишь обманъ
Невѣжества на то, что составляетъ
Другой лишь родъ невѣжества собой.
Но тутъ не все: тѣ страсти, отъ которыхъ

Ни міръ земной, ни горній не изъять,
 Никая власть, никая тварь, ни сила
 Отъ червяка до насъ и выше, въ немъ
 Все сердце истерзали и такимъ
 Его созданьемъ сдѣлали, что я,
 Которая ужъ вовсе не жалю,
 Прощаю тѣмъ, кто сжалится надъ нимъ.
 Онъ мой и твой; твоимъ еще быть можетъ,
 Но ни одинъ здѣсь духъ не можетъ стать
 Съ нимъ наравнѣ, тѣмъ болве быть выше,

Немезида. Тогда зачѣмъ онъ тутъ?

Первая судьба.

Спроси его.

Манфредъ. Вы знаете и глубину познаній,
 И силъ моихъ: безъ нихъ я бъ не былъ здѣсь.
 Но есть еще, еще есть выше силы;
 Я прихожу спросить у нихъ отвѣтъ
 На то, о чемъ спрошу.

Немезида.

Такъ вопрошай.

Манфредъ. Ты отвѣчать не въ силахъ: призови
 Мнѣ мертвецовъ; я обращуся къ нимъ.

Немезида. Кого жъ тебѣ призвать изъ безтѣлесныхъ?

Манфредъ. Тѣнь безмогильную одну... Астарту.

Немезида. Тѣнь ли бессонная,
 Духъ ли простой,
 Выйди безплотная,
 Стань предо мной
 Препрежне тѣло
 Сгнило ль давно,
 Иль уцѣлѣло,
 Встань,—все равно.
 Перстью земною
 Вновь облекись
 И съ красотою
 Препрежней явись.

Явись! явись! явись передо мной;
 Тебя зоветъ мучитель твой земной!

(Является тѣнь Астарты).

МАНФРЕДЪ. О, точно ль это смерть? да что же значить
 Румянецъ щекъ? Но вижу я, на немъ
 Горить не кровь, а мертвенный багрянецъ
 Поблекшаго осенняго листа.
 Она все та же. Боже! мнѣ ль бояться
 Глядѣть на прежнюю Астарту? Нѣтъ!
 Я не могу—вели заговорить ей;
 Пускай простить, иль проклянетъ меня!

НЕМЕЗИДА. Заклинаю тѣмъ, чья сила
 Подъ землей тебя нашла
 Чтобы ты заговорила,
 Чтобы ты отвѣтъ дала.

МАНФРЕДЪ. Она молчитъ, но этого молчанья
 Я знаю смыслъ; въ немъ больше, чѣмъ отвѣтъ!

НЕМЕЗИДА. Я больше не могу. Воздушный царь!
 Теперь открыть уста ея нѣмыя
 Лишь въ силахъ ты.

АРИМАНЪ. Взгляни на этотъ скипетръ
 И покорись, духъ гордый!

НЕМЕЗИДА. Все молчитъ!
 Она не нашей сферы, но другимъ
 Принадлежитъ пространствамъ. Смертный! ею
 Отверженъ ты; и даже мы остались
 Съ однимъ стыдомъ.

МАНФРЕДЪ. Услышь, услышь меня!
 Заговори, любовь моя! Астарта!
 Я такъ страдалъ, я такъ еще страдаю;
 Взгляни—къ тебѣ могила милосерднѣй
 Была, чѣмъ жизнь ко мнѣ. О, помяни,
 Какъ ты меня любила, какъ любилъ
 Тебя я самъ! Такъ истязать другъ друга
 Мы не были назначены судьбой,
 Хоть такъ любить, какъ мы съ тобой любили,
 Смертельный грѣхъ! Скажи, что ты меня
 Презрѣниемъ не караешь, что несу
 Я казнь за насъ обоихъ, что ты будешь
 Оправданной душою, и что я
 Умру когда нибудь. До сей поры

Всѣ роды смерти въ заговоръ вступали
 Противъ меня, чтобъ жизнь мою продлить,
 Чтобъ трепетать безсмертія заставить
 Картиною безсмертья дѣлъ моихъ.
 Нѣтъ для меня покоя. Что ищу,
 Чего хочу—не знаю. Въ этотъ мигъ
 Я чувствую—что ты такое стала,
 Что самъ я сталъ. Но прежде, чѣмъ погибель
 Себя найду, молю! дай мнѣ услышать
 Хоть разъ еще твой голосъ, упоеньемъ
 Когда-то бывший мнѣ. Заговори!
 Я о тебѣ взывалъ въ ночи бессонной,
 Будилъ я птицъ, заснувшихъ на вѣтвяхъ,
 Пугалъ волковъ голодныхъ, горъ пещеры
 Я къ имени Астарты приучилъ,
 И въ нихъ нашелъ я откликъ; отвѣчали
 И духи мнѣ, и люди... Ты молчала!
 Заговори! я просмотрѣлъ глаза,
 Я звезды пересиживалъ въ ночи,
 Ища тебя межъ синими звездами...
 Заговори! я исходилъ всю землю,
 Тоскуя по тебѣ. Заговори!
 Взгляни на этихъ дьяволовъ, въ ихъ души
 Проникла жалость обо мнѣ; но ихъ
 Я не боюсь; я чувствую тебя лишь.
 Заговори! хоть съ тѣмъ, чтобы проклясть,
 Мнѣ все равно, дозвожь лишь услышать
 Тебя мнѣ разъ, еще хоть разъ!

ТѢНЬ АСТАРТЫ.

Манфредъ!

Манфредъ. О, продолжай! я весь лишь въ этихъ звукахъ.
 Твой это голосъ, твой.

ТѢНЬ.

Манфредъ! завтра

Конецъ твоимъ страданіямъ земнымъ.

Прощай!

Манфредъ.

Одно лишь слово—я прощенъ?

ТѢНЬ. Прощай!

Манфредъ.

Скажи—мы встрѣтимся ль опять?

ТѢНЬ. Прощай!

МАНФРЕДЪ. О, сжался! звукъ! одинъ лишь звукъ!
Скажи, что ты меня не разлюбила.

ТѢНЬ. Манфредъ!

(Тѣнь Астарты исчезаетъ).

НЕМЕЗИДА. Она ушла, и безвозвратно.
Что слышала—не забудь. Иди на землю.

ДУХЪ. Онъ въ смертной агоніи. Вотъ что значить,
Въ безсмертіи, бывъ смертнымъ, проникать.

ДРУГОЙ ДУХЪ. Но въ немъ и тутъ духъ гордый не слабѣетъ
И выше мукъ становится своихъ.
Будь онъ однимъ изъ насъ, могучимъ духомъ
Онъ могъ бы быть.

НЕМЕЗИДА. Другаго ничего
Отъ насъ узнать ты не желаешь?

МАНФРЕДЪ. Нѣтъ.

НЕМЕЗИДА. Тогда—прощай на время.

МАНФРЕДЪ. Развѣ мы
Увидимся? Но гдѣ? Не на землѣ ли?
А впрочемъ, гдѣ ты хочешь; но за милость
Я должникомъ иду отсель. Прощайте!
(Манфредъ уходитъ. Сцена закрывается)

Актъ третій.

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ Манфреда.

МАНФРЕДЪ И ГЕРМАНЪ.

МАНФРЕДЪ. Который часъ?

ГЕРМАНЪ. Остался до заката
Еще лишь часъ, и чудный будетъ вечеръ.

МАНФРЕДЪ. Ты такъ ли все мнѣ въ башнѣ приготовилъ,
Какъ я велѣлъ?

Германъ. Тамъ все готово, графъ;
Вотъ ключъ, и вотъ вамъ ларчикъ.

Манфредъ. Хорошо.
Ты можешь удалиться.

(Германъ уходитъ.)

Манфредъ (одинъ). Я покоенъ.
Покой неизъяснимый и досель
Мной въ жизни не испытанный. Когда бъ
Я философію, изъ всѣхъ суетъ
Не почиталъ пустѣйшей суетою,
И изъ всего школярнаго нарѣчья
Безсмысленнѣйшимъ словомъ, я бъ сказалъ,
Что золотой секретъ, Калонъ * желанный,
Теперь открыть и заключенъ во мнѣ.
Онъ пропадетъ; но ужъ большое благо
Его познать и ощутить хоть разъ.
Мой умъ обогащенъ познаньемъ новымъ,
И я въ своемъ альбомъ запишу,
Что есть такое чувство, есть.—Кто тамъ?

(Входитъ Германъ.)

Германъ. Здѣсь, графъ, аббатъ Мавркія святаго:
Желаетъ васъ онъ видѣть.

Аббатъ (входя). Миръ вамъ, графъ!

Манфредъ. Благодарю, отецъ святой! ты дому
Приносишь честь присутствіемъ своимъ
И миръ душамъ живущихъ въ немъ.

Аббатъ. Дай Богъ,
Чтобъ это было такъ! Но, графъ, я съ вами
Наединѣ поговорить желаю.

Манфредъ. Выдь, Германъ. Что-жъ почтенный гость нашъ
скажетъ?

Аббатъ. Безъ околичностей: льта, призванье,
Мой санъ, мой долгъ, даютъ на то мнѣ право;
Я вашъ сосѣдъ, хотъ посѣтитель рѣдкій,

* *Калон* — благо,—философскій камень древнихъ. Древніе поставляли его въ такомъ идеально-безстрастномъ настроеніи духа, въ которомъ онъ никогда не терялъ бы своего покоя. Есть ли въ такомъ покоѣ счастье, — древніе нисколько не сомнѣвались.

Перевод.

Но все жъ сосѣдъ, такъ извините, графъ:
Престранный слухъ и слухъ довольно грѣшный
Распространенъ и ходитъ, повторяя
Повсюду ваше имя; это имя,
Что сотни лѣтъ привыкли уважать,
Какъ имя безупречное. Когда бъ
И тотъ его оставилъ столь же чистымъ,
Кто имъ украшенъ нынѣ!

МАНФРЕДЪ.

Продолжай.

АББАТЪ. Графъ, говорятъ—вы преданы занятьямъ,
Исканью челоука запрещеннымъ,
Что вы въ связи съ кромѣшными жильцами,
Съ толпой духовъ отверженныхъ и злыхъ,
Блуждающихъ въ долину сѣни смертной.
Я знаю—вы, въ сословіи людей,
Едва ли съ кѣмъ дѣлились, какъ съ собратомъ,
Размѣномъ чувствъ: монашеская келья
Не столь строга, какъ замокъ вашъ... когда бы
Онъ былъ и святъ на столько жъ, какъ она!

МАНФРЕДЪ. Кто жъ утверждать взялся такіе слухи?

АББАТЪ. Мои собратья по Христу, крестьяне
Окружныхъ мѣстъ и собственные ваши
Вассалы, графъ, которые притомъ
Дрожатъ за вашу жизнь.

МАНФРЕДЪ.

Возьми ее.

АББАТЪ. Я прихожу спасать, а не губить.
Я бъ не хотѣлъ тревожить вашу совѣсть.
Но если это правда, черный грѣхъ
Омыть еще есть время: примиритесь
Лишь съ церковью, а чрезъ нее и съ небомъ.

МАНФРЕДЪ. Я выслушалъ тебя; вотъ мой отвѣтъ:
Что бъ ни былъ я—останется на вѣки
Межъ мною лишь и небомъ. Избирать
Я смертнаго посредникомъ не буду.
Нарушилъ ли законъ я? Пусть докажутъ
И пусть потомъ накажутъ.

АББАТЪ.

Сынъ мой! я

Не говорилъ о наказаньи; нѣтъ;

Я приношу вѣщеніе грѣху:
 Оно ему такъ нужно;—напослѣдокъ
 Религія, всѣ наши учрежденья,
 Мнѣ дали власть—указывать пороку
 Пути надеждъ и чистыхъ помышленій.
 Наказывать я оставляю Богу.
 «Отмищеніе Мое!» сказалъ Господь,
 И я глаголь столь страшный повторяю
 Съ смиреніемъ служителя Его.

Манфредъ. Старикъ! ни власть отшельниковъ пустынныхъ,
 Ни зной молитвъ, ни слезы покаянья,
 Ни пепелъ, ни постъ, ни истязанья плоти,
 Ни даже то, что этого важнѣе:
 Безмѣрнаго отчаянья тоска,
 Которая безъ дьяволовъ, безъ ада,
 Сама собой способна—небеса
 Преобразить въ геенну,—никакія
 Мольбы, ни заклинанья, изъ души
 Не въ силахъ вырвать жгучаго сознанья
 Ея грѣховъ, злодѣйствъ, скорбей и казни,
 Самою сѣ творимой надъ собой.
 Въ грядущемъ нѣтъ такой безплотной муки
 Для самоосужденнаго злодѣя,
 Какую самъ онъ воздастъ себѣ!

Аббатъ. Я это настроенье одобряю.
 Оно пройдетъ, и слѣдъ его заступитъ
 Отрадная надежда; промелькнетъ
 Спокойная увѣренность въ спасеніи,
 Къ нему же дверь всѣмъ грѣшникамъ отверзта.—
 Но дѣло исправленья начинаютъ
 Сознаніемъ потребности; скажи—
 И все, что мы лишь можемъ преподать,
 Преподадимъ; что развѣшимъ, простится.

Манфредъ. Когда Неронъ * въ мученіяхъ кончался
 Отъ раны, нанесенной имъ себѣ,
 Чтобъ избѣжать стыда публичной казни,

* Въ подлинникѣ сказано: «когда шестой римскій императоръ и проч.»
 Но обстоятельства смерти шестаго императора, Гальбы, были совершенно
 другія. *Перев.*

Толпой рабовъ,—сенаторовъ позорныхъ —
 Ему приговоренной,—и солдатъ,
 Изъ жалости, своею грубой тогой
 Хотѣлъ заткнуть уста кровавой раны,—
 То Римлянинъ, еще собравши силы,
 И гордо оттолкнувъ престолюдина,
 Сказалъ, съ величіемъ во взоръ: «поздно!
 Ужели это върность?»

Аббатъ. . . . . Чтожъ отсель?

Манфредъ. Какъ Римлянинъ, я отвѣчаю: поздно!

Аббатъ. О, никогда, ни съ совѣстью, ни съ небомъ,
 Не поздно примириться.—Или ты
 Лишенъ надеждъ? Но странно; даже ть,
 Кому и нѣтъ надежды за могилой,
 Еще живутъ мечтой земною, къ ней
 Прильнувъ, какъ утопающій къ былинкѣ.

Манфредъ. И я, отецъ, имѣлъ мечты земныя...
 О, еслибъ зналъ ты молодость мою,
 Когда мечталъ я быть свѣтиломъ міра,
 Служить вождемъ народамъ!—Высоко
 Тогда я заносился, можетъ быть,
 Лишь для того,—то правда,—чтобъ упасть;—
 За то упасть подобно водопаду,
 Съ крутой скалы стремящемуся въ бездну,
 Могучему средь самага наденья,
 На днѣ пучинъ, отколѣ онъ опять
 Туманами восходить къ небесамъ,
 Чтобъ вновь упасть оттолъ громовой тучей.—
 Но это миновало. Я нашелъ,
 Что это былъ лишь бредъ.

Аббатъ. . . . . О, нѣтъ!

Манфредъ. . . . . О, да!..

Я никогда не могъ ручной быть тварью.
 Кто-жъ властвовать желаетъ надъ людьми,
 Обязанъ льстить, служить и пресмыкаться,
 Умѣть повсюду быть и выжидать
 Время благоприятныхъ, быть ползучей,
 Одушевленной ложью. Таковы

На самомъ дѣлѣ люди. Съ этимъ стадомъ
Я пренебрегъ смѣшаться, хоть бы могъ,
Смѣшавшись съ нимъ, вождемъ быть надъ волками.
Левъ любитъ одиночество; я тоже.

Аббатъ. Зачѣмъ не жить, не поступать, какъ люди?

Манфредъ. Я жить усталъ, усталъ до отвращенья.
Я не жестокъ, своей судьбы кровавой
Я не искалъ; я на нее нашелъ.
Такъ царь пустынь, такъ пламенный самумъ,
Дыханьемъ раскаленнымъ до красна,
Проносится надъ жгучими песками,
Безплодными, лишенными травы,
Горами волнъ зыбучихъ потышаясь;
Не ищетъ онъ погибели ни чьей,
Но все, что съ нимъ лишь встрѣтилось—погибло.
Вотъ жизнь моя: мнѣ встрѣтились предметы
Въ моемъ пути, ихъ больше нѣтъ.

Аббатъ. Увы!

Я трепещу, что тутъ ужъ миновала
Пора нужды въ призваніи моемъ.
Но вы такъ молоды,—нѣтъ, я хочу...

Манфредъ. Вглядись въ меня! Есть жалкій классъ людей,
Которые старѣютъ молодыми,
И среднихъ лѣтъ едва достигъ успѣвъ,
Вкушаютъ смерть, безъ помощи насилья.
Кого порокъ, кого науки губятъ,
Кого труды, кого усталость лѣни,
Кого болѣзнь, кого избытокъ силъ,
Кого безжалостно разбитое тоской,
Иль до поры увянувшее сердце.
Последняя зараза убиваетъ
Всѣхъ болѣе, являясь между нами,
Въ разнообразіи лицъ, именъ и свойствъ.
Вглядись въ меня! На мнѣ всѣхъ этихъ ядовъ
Лежитъ печать; изъ всѣхъ же этихъ ядовъ
Довольно одного: такъ не дивись
Тому, чѣмъ сталъ, дивись, чѣмъ былъ всегда я,
Тому, что бывъ, чѣмъ былъ, еще живу я.

Аббатъ. Но сынъ мой, сынъ—

МАНФРЕДЪ. Старикъ! я уважаю

Твои лѣта; я почитаю санъ;
Беру въ расчетъ намѣренья святыя;
Но тщетно все! Не думай, что я грубъ,
Нѣтъ, я щажу тебя лишь, избѣгая
На этотъ разъ бесѣды... по прощай!

(Манфредъ уходитъ).

АББАТЪ. Онъ могъ бы быть возвышеннымъ созданьемъ;

Какъ много силъ счастливыхъ, и какой
Сосудъ ихъ заключаетъ! Будь онъ
Устроены въ порядкъ! А теперь,
Въ немъ все хаосъ: лучистый свѣтъ и мракъ,
Высокій умъ и бредъ, и эти страсти,
И чистыя стремленья добрыхъ думъ.
Во всемъ застой, иль гибель; все стремится
Безъ цѣли и порядка: онъ погибъ...
Но я спасу, я постараюсь снова;
Онъ стоитъ искупленья, и мой долгъ—
Держать на все для праведнаго дѣла.
Иду за нимъ, хоть бережно, но смѣло.

(Аббатъ уходитъ).

СЦЕНА II.

Другая комната въ замкѣ.

МАНФРЕДЪ И ГЕРМАНЪ.

ГЕРМАНЪ. Я ждалъ заката солнца, графъ: оно
Теперь съ горами наравнѣ.

МАНФРЕДЪ. Уже?...

Я на него взгляну.

(Манфредъ подходитъ къ окну).

Блестящій шаръ!
Кумиръ временъ природы первобытной
И племени могучаго людей,
Невъдавшихъ бользней, — исполнивъ,

Дѣтей любви, отъ ангеловъ рожденныхъ
 И дѣвъ земныхъ, мрачившихъ красотой
 Тѣхъ ангеловъ, за смертную любовь
 И небеса и Бога потерявшихъ!
 Блестящій шаръ! боготворимый міромъ,
 Пока не зналъ онъ тайны мірозданья!
 Ты ранній благовѣстникъ божества,
 Вливавшій свѣтъ и зажигавшій чувство
 Въ сердцахъ простыхъ халдейскихъ пастуховъ,—
 Пока они съ молитвою не пали
 Во прахъ передъ тобою! Зримый богъ,
 Незримаго намѣстникъ, имъ избранный
 Чтобъ твѣню быть Ему! Ты царь-звѣзда,
 Съ которою становится намъ сносенъ
 Нашъ міръ земной! Ты красота небесъ!
 Людскимъ сердцамъ источникъ вдохновенья,
 И свѣтъ, и цвѣтъ дающая всему!
 Царь годовыхъ временъ, и переменъ,
 И странъ земныхъ, и въ нихъ людей живущихъ,—
 Затѣмъ что ты—и зажигаешь страсти,
 И самый видъ наружный намъ даешь!
 Восходъ, закатъ, полдневное сіянье
 Въ тебѣ равно прекрасны и равно
 Мнѣ невидать ихъ болѣе.—Прощай!
 Мой первый взглядъ любви и удивленья
 Былъ на тебя; прими мой взглядъ послѣдній!
 Ты смертнаго не озаришь такого,
 Кому-бъ дары и жизнь и тепла
 Губительны такъ были.—Закатилось
 Оно совсѣмъ уже.—Пора и мнѣ.
 (*Манфредъ уходитъ*).

СЦЕНА III.

Горы.—На нѣкоторомъ разстояніи замокъ Манфреда.—Терраса передъ башней.—Сумерки.

Германъ, Мануэль и другіе вассалы Манфреда.

Германъ. Ужъ сколько лѣтъ—какъ только ночь настанетъ,

Одинъ, съ своей безсонницей, идетъ
Онъ въ эту башню. Странно: я бывалъ
Тамъ и внутри; да, мы тамъ всѣ бывали;
Но изъ всего, что есть въ ней, невозможно
Навѣрное дойти ни до чего,
Надъ чѣмъ онъ тамъ трудится. Правда, есть
Тамъ комната, куда не проникалъ
Ни кто изъ насъ. Ахъ, я бы ничего
Не пожалѣлъ, чтобъ въ три послѣднихъ года,
Хоть разъ туда подкрасться.

Мануэль. Слишкомъ смѣло.
Доволенъ будь и тѣмъ, что ты ужъ знаешь.

Германъ. Ахъ, Мануэль, ты здѣшній старожилъ,
Ты бѣ рассказать могъ много. Сколько лѣтъ
Живешь ты въ этомъ замкѣ?

Мануэль. Графъ Манфредъ
Еще не родился, какъ я служилъ
Его отцу: тотъ вовсе не похожъ былъ
На этого.

Германъ. Довольно частый случай
Между дѣтьми съ отцами ихъ; но въ чемъ
Межъ ними разница?

Мануэль. Я говорю
Не о чертахъ, но о привычкахъ, нравахъ:
Графъ Сигизмундъ былъ гордъ, но добръ и веселъ,
Любилъ войну, пиры; онъ не корпѣлъ
Надъ книгами; не дѣлалъ изъ ночей —
Монашескихъ безсонницъ, но веселью
Онъ ночи посвящалъ; ни по лѣсамъ,
Ни по скаламъ, онъ волкомъ не скитался;
Ни отъ людей, и ни отъ ихъ забавъ
Лца не отвараживалъ.

Германъ. Проклятье!
Какъ мы живемъ! Вотъ были дни-то, дни.
Ахъ, если бы они воскресли снова
Межъ этихъ стѣнъ, которыя глядятъ
Какъ будто что забыли!

Мануэль. Эти стѣны

АББАТЪ. Германъ! я хочу.
Дай графу знать, что я пришелъ и жду.

Германъ. Я не могу.

АББАТЪ. Такъ, кажется, я самъ
Теперь могу своимъ герольдомъ быть.

МАНУЭЛЬ. Отецъ святой! постойте, умоляю...

АББАТЪ. Зачѣмъ же такъ?

МАНУЭЛЬ. Уйдемте лишь отсель—
Я вамъ скажу, я много вамъ скажу.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Внутренность башни.

МАНФРЕДЪ (*одинъ*). Ужь выступили звѣзды; горъ ледяныхъ
Верхи осеребрилися луной.

Люблю досель природу я; а къ ночи
Я такъ привыкъ, такъ мой сроднился взоръ
Съ ея лицомъ, что всь людскія лица
Мнѣ менѣ привычны. Подъ шатромъ
Ея свѣтилъ, въ нѣмомъ очарованьи,
Я изучилъ языкъ иного міра.

Я вспомнилъ вновь,—когда я молодъ былъ
И странствовалъ...—была такая жъ ночь,
Въ которую, подъ сводомъ Колизея,
На царственныхъ обломкахъ я стоялъ.
Надъ грудой аркъ—тамъ высились деревья,
Ложась, какъ тѣнь, на небъ голубомъ;
Сіянье звѣздъ сквозь трещинъ проникало;
За Тибромъ раздавался лай собакъ;
Вблизи меня, изъ цезарскихъ чертоговъ
Могильный крикъ совы звучалъ; порою
Ночная пѣснь сторожевыхъ солдатъ
Средь тишины дрожала, замирая.
Въ проломахъ стѣнъ,—лишь на полетъ стрѣлы,—
Видѣлись кипарисы, и каймою

Служили горизонту' лѣсъ растетъ
 Среди тѣхъ стѣнъ, сравнявшихся съ землею...
 Гдѣ цезари лишь жили, тамъ живутъ
 Гробоголосыя ночныя птицы!
 Гнѣздо совы надъ царскимъ очагомъ!
 Ползучій плющъ растетъ на грунтѣ лавровъ!

Но между тѣмъ, какъ Августа чертоги
 И цезаря палаты стали прахъ,—
 Кровавый циркъ стоитъ, какъ гладіаторъ,
 Во весь свой ростъ, въ печальной красотѣ!
 И ты сіялъ, о мѣсяцъ круглоницый,
 Свой тихій свѣтъ роняя надо всѣмъ! —
 Смягчая видъ суровый заустѣнья,
 Отъ мусора ты мраморъ очищала,
 Ты скважины. пробитыя вѣками,
 Вновь целеной волшебной застилала!
 Ты оставляла прекраснымъ, что имъ было,
 Что не было—ты возводилъ въ него,—
 Пока тотъ грунтъ не становился храмомъ,
 И сердце не стремилось во слѣдъ
 За древними великими мужами,
 Въ безмолвномъ обожаньи!—Мертвецы,—
 Но скипетродержавныя владыки,—
 Изъ самыхъ урнъ они еще царятъ
 Надъ нашими душами—То была
 Такая жъ ночь. Какъ странно, что о ней
 Я вспомнилъ въ этотъ часъ. Но я замѣтилъ,
 Что даже въ мигъ строжайшихъ размышленій
 Мы думъ своихъ не властны удержать
 Отъ дикаго блужданья.

(Входитъ Аббатъ).

АББАТЪ.

Добрый графъ!

Вновь домогаюсь чести видѣть васъ,—
 И все таки, смиреннаго усердья
 Благой порывъ вы пощадить должны.
 Пускай все зло, котораго причиной
 Могу быть я,—надетъ лишь на меня;
 Но то добро, котораго я чаю,
 Да снизойдетъ на вашу лишь главу...

О, еслибъ я сказать могъ—я на сердце!
 О, еслибъ могъ молитвой, иль словами
 Его тронуть—достойную тогда-бъ
 Я душу спасъ,—что только заблуждалась,
 Но не совсѣмъ погибла.

МАНФРЕДЪ. Ты меня
 Не знаешь: дни мои изочтены;
 Дѣла разсмотрѣны;—иди отсель:
 Тутъ быть тебѣ опасно; уходи.

АББАТЪ. Вы мнѣ грозить хотите?

МАНФРЕДЪ. Я? о, нѣтъ.
 Я просто говорю: тутъ есть опасность.
 Остерегись!

АББАТЪ. Чего?

МАНФРЕДЪ. Гляди сюда!
 Ну—что ты видишь?

АББАТЪ. Ничего.

МАНФРЕДЪ. Гляди!
 Я говорю, гляди сюда!—Теперь
 Скажи—что видишь?

АББАТЪ. Что должно-бъ меня
 Оледенить; но я, я не боюсь.
 Я вижу—вотъ—какой-то образъ дикій,
 Какъ адскій богъ, изъ-подъ земли встаетъ.
 Его лицо закрыто покрываломъ,
 Онъ въ облака грозовыя одѣтъ;
 Теперь межъ мной и вами онъ стоитъ.
 Но все таки—я не боюсь его.

МАНФРЕДЪ. И нѣтъ причинъ: онъ для тебя безвреденъ;
 Но взглядъ его невыносимъ: ты старъ...
 Я говорю—уйди.

АББАТЪ. Я остаюсь,
 Пока врага не изгону отсель.
 Зачѣмъ онъ тутъ?

МАНФРЕДЪ. Да; да... Зачѣмъ онъ тутъ?
 Я не просилъ, не ждалъ; онъ гость незванный!

АББАТЪ. Увы, погибшій человекъ!—Съ какими

Ты сходишься гостями?—Я дрожу,
 Но за тебя.—Зачѣмъ вы такъ глядите—
 Ты на него, онъ на тебя?—Лицо
 Онъ открываетъ — ахъ! — его чело
 Хранитъ рубцы его сразившихъ молній,
 Въ глазахъ горитъ безсмертіе геенны...
 Прочь! прочь!

МАНФРЕДЪ—ДУХУ. Скажи—что у тебя за цѣль?

ДУХЪ. Пойдемъ!

АББАТЪ. О, кто ты?—отвѣчай.

ДУХЪ. Я геній
 Его судьбы. Пойдемъ! пора!

МАНФРЕДЪ. Готовъ!
 О, я на все готовъ. Но что за сила
 Зоветъ меня?—Ты присланъ отъ кого?

ДУХЪ. Узнаешь самъ.—Пойдемъ!

МАНФРЕДЪ. Я власть имѣлъ
 Надъ болѣе могучими, чѣмъ ты.
 Я велъ борьбу съ владыками твоими.
 Иди же прочь!

ДУХЪ. Твой часъ насталь, о смертный!
 Я говорю—за мной.

МАНФРЕДЪ. Мой часъ насталь.
 Я это зналъ, и знаю; но тебѣ
 До этого нѣтъ дѣла. Прочь иди!
 Я умереть хочу, какъ жилъ,—одинъ.

ДУХЪ. Я призову моихъ собратій. Братья!
 (*Являются другіе духи*).

АББАТЪ. Вонъ, дьяволы! Вонъ, вонъ! я говорю.
 Гдѣ вѣра, тамъ владычій вашихъ нѣтъ.
 Я заклянѣ васъ именемъ...

ДУХЪ. Старикъ!
 У насъ свое призванье есть; мы знаемъ
 Самихъ себя и санъ твой; такъ не трать
 Ты словъ святыхъ на воздухъ: все напрасно!
 Онъ осужденъ; онъ нашъ,—и я опять.
 Еще разъ говорю ему: за мной!

МАНФРЕДЪ. Но я васъ презираю. Хоть мой духъ,
 Я чувствую, меня ужь оставляетъ,—
 Я презираю васъ. Пока въ груди
 Хоть капля есть дыханія змнаго—
 Она дышать презрѣнемъ будетъ къ вамъ.
 Пока земная сила есть—отдамъ
 Всю на борьбу, хотя бь противъ чертей!
 За членомъ членъ меня лишь можно взять!

ДУХЪ. И это ты, тотъ горделивый смертный,
 Тотъ чародѣй великій, что хотѣлъ
 Проникнуть въ міръ незримый и мечталъ
 Быть равенъ намъ?—Такъ вотъ какъ ты упорно
 Стоишь за жизнь!—Чтожь значили проклятья
 Въ твоихъ устахъ?

МАНФРЕДЪ. Ты лжешь, нечистый духъ!
 Последній часъ я доживаю; это
 Я знаю самъ;—но на одно мгновенье
 Я бь не хотѣлъ продолжить эготъ часъ.
 Не съ смертію борюсь я, а съ тобою,
 Съ толпою темныхъ ангеловъ твоихъ.
 За эту власть, которой обладалъ я,
 Не продавалъ себя я вашей братьи.
 Я достигалъ се трудомъ, наукой,
 Отвагою, упрямствомъ гордыхъ думъ,
 Безсонницей и дерзкимъ пониманьемъ
 Высокихъ тайнъ,—наслѣдья тѣхъ временъ,
 Когда земля видала челоуька
 Ходящаго по ней въ кругу духовъ,
 Какъ равнаго съ духами: повторяю—
 И въ томъ клянусь моей последней силой,—
 Что я васъ презираю! Презираю!

ДУХЪ. Но именовъ преступныхъ дѣлъ твоихъ...

МАНФРЕДЪ. Да что до нихъ такому, какъ ты самъ?
 Ты надо мной не властенъ,—это видно;
 Ты мной владѣть не будешь,—это ясно.
 Что сдѣлалъ я, то сдѣлалъ: казнь моя
 Во мнѣ самомъ,—твой адъ предъ ней ничтоженъ.
 Безсмертная душа сама себъ
 Воздастъ отвѣтъ за добрыя и злыя

Дѣла и помышленья. Мѣру зла,
 И казнь ему, и часъ и мѣсто казни, —
 Сама опредѣлитъ она, злой духъ;
 Сама, когда, отъ этихъ узъ тѣлесныхъ,
 Предметовъ, лицъ, страстей и думъ земныхъ
 Освободясь, въ самой себѣ замкнется
 Съ своею вѣчностью лицомъ къ лицу.
 Ты не былъ искусителемъ моимъ;
 Я не былъ простакомъ твоимъ: за что же
 Мнѣ быть твоей добычей? Погубилъ
 Я самъ себя, самъ и палачъ свой буду!..
 Прочь, дьяволы! На мнѣ отяготѣла
 Уже рука, но не чертей, а смерти.

(Демоны исчезаютъ).

Аббатъ. Увы! какъ вдругъ ты поблѣднѣлъ! Какъ трудно
 Ты сталъ дышать! Какой тяжелый хрипъ
 Стѣснилъ гортань! Молись, молись небу!
 Хоть мысленно, но такъ не умирай.

Манфредъ. Все кончено! Мой взоръ подернутъ мглой;
 Вокругъ меня все плаваетъ въ туманъ;
 Сама земля, какъ будто, подо мной
 Дрожитъ и разсѣдается. Прощай!
 Дай руку мнѣ.

Аббатъ. И въ ней, и въ сердцѣ холодъ.
 Хоть вздохъ одинъ на небо! Что съ тобою?

Манфредъ. Старикъ! да умирать совсѣмъ не трудно.
(Умираетъ).

Аббатъ. Онъ отошелъ; душа взяла паренъе —
 Куда? Кто скажетъ? Но онъ отошелъ.

Е. ЗАРИНЪ.

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, КРИТИКИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. В. ДРУЖИНИНА.

Ohne Hast, ohne Rast.
Goethe.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ.

І Ю Л Ь.

ТОМЪ СТО-ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1858.